

Полина Дудченко

ЖИЗНЬ

И КЛИНИЧЕСКИЕ СЛУЧАИ

планет [A] людей

КНИГИ МЕНЯЮЩЕЕ ЖИЗНЬ

Полина Владимировна Дудченко
Жизнь и клинические случаи
Серия «Планета людей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11828352

Жизнь и клинические случаи : [рассказы] / Полина Дудченко.: ДАРЪ;

Москва; 2013

ISBN 978-5-485-00441-5

Аннотация

«Жизнь и клинические случаи» Полины Дудченко – сборник рассказов о тех, кто рождается в наш мир и о тех, кто уходит из него, о радости жизни и горечи смерти, о невероятной силе любви, которая помогает понять и принять этот мир.

Содержание

Четыре минуты

5

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Полина Дудченко
Жизнь и
клинические случаи

Допущено к распространению Издательским Советом
Русской Православной Церкви №
ИС 13-312-1962

Четыре минуты

Когда-то одна доктор сказала: «Во время родов не может быть негатива». Это правда. Присутствие при рождении нового человека в мир – один из ежедневных роддомовских моментов вдохновения и прикосновения к чуду.

Наша ординаторская особенная. Эта комната с поворотом. Чтобы увидеть доктора, надо за этот поворот завернуть. Вот завернули, и можно лицезреть наш диван, которому столько лет, сколько и роддому, и стол, частично покрытый стеклом, под которым анализы, ценные указания и вечно собираемые на что-то деньги. Нежная непрозрачная занавеска развевается на ветру. Здесь всегда немного ветра и много света. Такая у нас ординаторская.

За окном, на холме, стоят дома, взгляд упирается в сам холм, поросший кустами и травой. Посмотришь вверх – увидишь маленькие домики, а посмотришь вниз – увидишь акушерский пропускник, где всегда есть машины и где никак не желают расти кусты белой сирени, высаженные на субботнике лично главным врачом. Еще из окна видны подобия клумб. Клумбы под роддомом никак не приживаются. Их вытаптывают посетители, вырывают старшие братья и сестры, пришедшие навестить свою маму и младшенького.

После пяти часов роддом несколько затихает. Это затишь не настоящее, потому что у нас нельзя отложить на по-

том. У нас всегда нужно сделать все здесь и сейчас.

А еще мы никогда не даем прогнозов. Мы наблюдаем и ждем. В палатах кричат дети. В любое время суток. С годами начинаешь воспринимать этот крик как нежную мелодию жизни роддома. У нас кричат дети. Пусть так и будет дальше!

Есть особый крик, на который доктор свернет в сторону источника, пойдет в палату и поинтересуется жизнью в ней. Здоровые дети не нуждаются в лечении. Они нуждаются в любви, уходе, внимании, теплоте и трепете. А мы – все, кто находится в роддоме, – нуждаемся в том, что получаем от них ежеминутно. Что это? Никто не знает. Наверное, безусловная любовь и добро, которое еще не испорчено жизнью на земле.

Звонок по телефону. Вы ж знаете, что телефон звонит по-разному? Это звонок не тревожный. Точно. Вызов в операционную. Плановое кесарево.

Плановое кесарево может случиться в любой момент. Здесь редко бывает что-то непредвиденное. Возможно, отошли воды или начались схватки у женщины, которую будут родоразрешать путем операции. Возможно, просто доктор, с которым договорилась женщина, заступил на смену и берет ее сейчас на операцию.

На стенке ординаторской прикреплена икона «Млекопитательница», а рядом слова матери Терезы Калькуттской о том, что какими бы ни были люди, помогай им, несмотря на них самих.

Перекрестилась. Пошла.

Отче наш, Иже еси на небесех...

Замок в двери плохо работает всю мою роддомовскую жизнь. Но я знаю, как его закрыть, чтоб потом еще и открыть можно было.

...да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

Две палаты слева и две справа. Плачет ребенок. Прямо – ПИТ¹ со слоником на стекле двери. Там тихо. Мне направо, вниз по лестнице.

..хлеб наш насущный даждь нам днесь. И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.

Господи, помоги мне, малышу, маме и всей бригаде. Пусть все будет хорошо!

До первого этажа прочитаю еще «Богородице Дево, радуйся...»

Спускаюсь в родзал. Операционная и родзал находятся в одной плоскости, чтобы можно было быстро доставить женщину, если вдруг что. Комнаты для персонала находятся тут же в род-зале, и еще в них никогда не закрывают двери, чтобы слышать. Тут только одна женщина ходит, а за столом улыбается красивая акушерка Лена. С ней в смене Ира. Я люблю эту смену. Чтобы их полюбить, с ними нужно познакомиться вначале.

---

¹ Палата интенсивной терапии. – Прим. авт.

За годы работы в роддоме я нашла куда больше акушерок, с которыми готова была бы рожать ребенка и делать то, что они советуют, чем врачей, которым бы доверялась так же, полностью.

Ира. Вот она во всей красе. Мощная, надежная и с удивительно доброй улыбкой. Эта улыбка тайная. Она для тех, кто рассмотрел за Ириной немногословностью и суровостью ее горячее сердце. Она чем-то смахивает на моего кота. Обнимаю ее, она улыбается и отпускает реплику по поводу работы. Акушерки как-то по-особенному держат руки. Скольких только что родившихся малышей они держали в руках? Кто ж считает.....

Лоток в операционную собран. Смотрю в историю родов. Тазовое предлежание, предположительный вес 4100, рубец на матке. Кесарево три года назад.

До операционной, если идти из родзала, два поворота, до закрытой двери. Иногда можно вот так спокойно идти, хотя определенное ускорение все равно есть. Иногда надо бежать, призывая всем своим видом кого-то в помощь.

В маленькой комнатке возле операционной стоит застеленная кровать. Иногда на ней сидит волнующийся папа. Сегодня есть только кровать. Женщина в операционной еще не спит. Она лежит, раскинув руки на столе, а Павлович – любимый мой анестезиолог – смотрит на женщину поверх очков своими добрыми глазами. Иногда мне кажется, что когда-то Павлович перестарается, и глаза-таки выпадут у него,

причем окажутся они не круглыми, а длинненькими такими... Павлович умеет улыбаться глазами. Потому что рот у него закрыт маской, усиленно оттопыренной густыми павловичевскими усами.

Двери в операционную открыты, и мы с Ирой прислушиваемся к разговору. Ага, значит, он предлагает женщине не спать, пока не извлекут ребенка. Жаль, что она не соглашается. Ей хочется наркоза, потому как боится запаниковать.

Есть в медицине один закон. Я ощутила его рано и стараюсь придерживаться. Когда есть выбор в методах и средствах, то нужно прислушаться к тому, что, собственно, думает на эту тему пациент. И это должно повлиять на направление врачебных мыслей. Вот и Павлович: он не уговаривает женщину, а оптимистически соглашается.

Поймав мой взгляд, Павлович кивает:

– Вот пришли акушерка и неонатолог.

Женщина поворачивается к нам. Я улыбаюсь.

– Здравствуйте! Я неонатолог, Полина Владимировна.

– Я, наверное, вас в журнале видела!

– Наверное. – Журнал послужил роддому добрую службу, надо сказать.

– О, как хорошо! Давайте уже быстрее начинать!

Хорошо входить в наркоз с улыбкой.

Акушерство уже заходит помытым. Людмила Яковлевна, Лариса и интерн.

– Здравствуй, Поляночка! Как наш с тобой мальчик?

– Здравствуйте, Людмила Яковлевна, хорошо наш с вами мальчик. Спасибо большое.

Мой мальчик Давид действительно наш с ней. Потому как рожали мы его вместе, целых девять часов. И родили хорошего, розового и нежного. Спасибо вам, Людмила Яковлевна.

– Работаем!

Голос Павловича дает отсчет времени. Теперь начинается операция. Время пошло. Время внутреннего напряжения и ожидания. Слышна каждая секунда. Несмотря на слова, эмоции и четкие движения.

Живьй в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится. Ренет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешиися: оружием обыдет тя истина Его...

Теплый свет от лампы греет столик. Сейчас ты родишься...

Мешок Амбу, кислород, отсос – все готово, если вдруг что... хоть бы не понадобилось. Рядом на столике весы, оранжевый реанимационный чемоданчик. Под теплым светом греются пеленки, одеяло, шапка, распашонка и носки.

...Неубоишиися от страха нощнаго, от стрелы летящия во дни, от вещи во тьме приходящия, от сряца и беса полуденного. Падет от страны твоей тысяща, и тьма одесную тебе, к тебе же не приблизится, обаче очима твоима

смотриши, и воздаяние грешников узриши. Яко Ты, Господи, упование мое...

Ира, величественная и надежная, стоит в стерильном халате с лотком.

...Вышняго положил еси прибежище твое. Не придет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему...

Наверняка, каждая мама желает именно этого своему приходящему в мир ребенку.

...Яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнешь о камень ногу твою...

Пусть все будет хорошо, пусть это хорошо начнется прямо сейчас...

...На аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия...

Последовательно – похожие движения. От операции к операции. Когда все идет по плану. Даже у санитарки, чтобы вытереть растекшиеся по полу воды. Вот подпихивает уже ткань под ноги доктору. Воды больше не нужны, сейчас человек родится на сушу. На ткани просто пятно. Неокрашенное. Чистые воды. Вот и хорошо...

Яко на Мя упова, и избавлю и: покрыю и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долгою днй исполню его, и явлю ему спасение Мое.

От начала операции до извлечения ребенка должно прой-

ти не больше четырех минут. Тогда ребенок не спит точно. Бывает, что извлекают позже, и ребенок также не спит и издает столь радостный для слуха всего родзала громкий плач, оповещающий окружающих, что новый человек пришел в мир.

Но лучше пусть это будут четыре минуты. Часы на стене – с секундной стрелкой. Как это долго. Как много можно сделать за такое время. За это время можно извлечь ребенка из матки. Вот оно! Извлечение. Ягодичное предлежание извлекается по-другому. Акушер проводит рукой по спинке.

Ну вот. Как хорошо! Какое облегчение! Иди сюда, мой красавец! Кричи громко! Это такой прекрасный звук. Детский крик, ни с чем не сравнимый. Маленький рожденный лучик жизни! Как много всего должно было произойти, чтобы стал возможен этот миг. Должны были вот так же закричать те, кто стал потом твоими папой и мамой, а перед ними такой же счастливый миг подарили миру твои более ранние предки. Были долгие месяцы ожиданий, пока ты рос в темноте, покое и спокойствии, твое сердце билось. Как радостно увидеть на первом УЗИ эту маленькую, но верную приметку жизни. Есть сердце! Услышала твоя мама! Что за чудо из чудес растет само, повинуюсь тому неведомому сознанию закону, который положил от начала времен Господь.

...Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня

назначенные, когда ни одного из них еще не было. Как возвышенны для меня помышления Твои, Боже, и как велико число их!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.